

Философия и культура

Правильная ссылка на статью:

Зенов Е.В. — Парадокс толерантности в западной образовательной среде // Философия и культура. – 2023. – № 5. DOI: 10.7256/2454-0757.2023.5.40803 EDN: BYQAGG URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40803

Парадокс толерантности в западной образовательной среде

Зенов Егор Всеволодович

ORCID: 0000-0003-3328-8509

аспирант, кафедра философии и социальных наук, Мурманский арктический государственный университет

183038, Россия, Мурманская область, г. Мурманск, ул. Егорова, 15

✉ yegzenov@gmail.com

[Статья из рубрики "Социальная философия"](#)

DOI:

10.7256/2454-0757.2023.5.40803

EDN:

BYQAGG

Дата направления статьи в редакцию:

20-05-2023

Аннотация: Предметом исследования является современная образовательная среда западных стран. Объектом исследования выступает система толерантности и механизмы ее функционирования в образовательной среде западных стран. Автор подробно рассматривает систему толерантности и механизмы ее функционирования на примере западных образовательных учреждений. Так как в современной образовательной среде евроатлантических государств толерантность воспринимается иначе, чем в России, особое внимание в статье уделяется философскому осмыслению современного положения феномена и его рефлексии западным научным сообществом. В качестве источников автор использует работы как философской, так и социальной, педагогической направленности, чтобы через их призму выявить основные особенности.

В ходе исследования было установлено, что механизмы толерантности в западной образовательной среде противоречат идее терпимости к ближнему. Было заключено, что границы толерантности в евроатлантических образовательных учреждениях размываются: они неясны ни педагогическому составу, ни самим студентам. Автор прослеживает ницшеанскую идею о ресентименте в действиях меньшинств, постоянно настроенных против большинства вне зависимости от того, какими правами и возможностями это большинство их наделяет. Исследование также позволило

определить парадокс терпимости в западной образовательной среде: хотя официально провозглашается борьба за права угнетенных, сами угнетенные в рамках образовательного процесса избегают дискуссии на тему равных возможностей, потому что западное устройство толерантности позволяет уклоняться от обсуждения насущных вопросов, при этом сохраняя и даже наращивая преимущества, предоставляемые толерантной системой образования. Кроме того, автором было выявлено, что западное общество обычно не воспринимает терпимость как часть мировоззрения индивида, что приводит к тому, что в образовании западных стран она становится социально-политическим инструментом.

Ключевые слова:

Толерантность, Политкорректность, Образование, Конфликт, Запад, Мы и они, Ресентимент, Образовательная среда, Добродетель, Постмодерн

Идея терпимости к чужому в западном обществе всегда была окружена жаркой полемикой, нередко выливающейся в открытые конфликты и споры, в течение многих десятилетий. И если в двадцатом веке эта проблема, несмотря на остроту, была обозначена и понятна – речь шла в первую очередь о правах женщин, этнических и сексуальных меньшинств, – сейчас ее границы продолжают расширяться, в ходе этого процесса размываясь. С появлением новых меньшинств, требующих одинакового уважения и соблюдения своих прав, ситуация становится все более неоднозначной: количество маргинальных групп лишь увеличивается, а большинство иногда оказывается в положении угнетаемого меньшинства, вынужденного мириться с идеей толерантности, предполагающей обратный подход, ущемляющий одну группу в пользу другой. Пагубное влияние системы толерантности, которую некоторые исследователи называют идеологией политкорректности, особенно прослеживается в англосаксонской образовательной среде: политика «обратной» терпимости, типичная для школ и университетов, получает все большее распространение. Механизмы работы такого вида «терпимости» требуют философского осмысления и анализа, способных выявить парадокс и объяснить причины его появления.

В современном западном обществе ситуация с толерантностью обстоит таким образом, что ее механизмы мотивируют к действию, нежели к дискуссии. Это прослеживается, например, в активной позиции сексуальных и этнических меньшинств на Западе: недовольства и протесты, раньше типичные для уличных выступлений, сейчас перешли в сферу образования, поэтому борьба за права продолжается в стенах университетских кампусов. При этом действительно уязвимые группы – например, дети-инвалиды, – по-прежнему сталкиваются с такими же трудностями, что и несколько десятилетий назад: это еще раз показывает, что в первую очередь современное англосаксонское общество уделяет внимание правам этнических меньшинств и ЛГБТ-сообщества. Несмотря на то, что за последние годы их положение улучшилось, протесты этих групп все еще остаются одной из важных проблем как академической среды, так и западного сообщества в целом. Представляется, что причины этого кроются не только в самой природе таких групп, оказывающихся «громким меньшинством», но и в устройстве западного общества.

Стоит отметить, что вопрос об уместности толерантности, предполагающей не столько уравнивание в правах, сколько обеспечение преимуществ для определенной группы, поднимается как в английских, так и американских реалиях: при этом и с условно «консервативной», и с условно «либеральной» стороны. В этой связи отметим статью У.

Блока: автор объясняет настрой правого крыла в США, актуальный и на сегодняшний день: автор выбирает примеры из американского высшего образования, дающие представление о чрезмерной политкорректности, присущей академической среде. Обратим на них внимание: администрация университета штата Джорджия запретила студентам демонстрировать как американский флаг, так и флаг Конфедерации, на окнах своих комнат в общежитии; академика оштрафовали за «некорректный смех»; сама образовательная среда отличается требованиями к «осторожному» использованию лексики, главное из которых, как часто оказывается – отказ от традиционного обозначения того или иного феномена [\[1, p. 231\]](#). При этом автор отмечает, что такой подход не пользуется популярностью у самих студентов; университет, по его словам, накладывает на обучающегося кантовский гипотетический императив, утверждая, что тот должен «говорить определенным образом и воздерживаться от иных способов выразить мысль».

Такая позиция, иллюстрирующая несостоятельность системы терпимости, которой руководствуются англосаксонские вузы, не теряет релевантности и в наши дни: в американском дискурсе часто встречается аргументация, проводящая параллели между авторитарным режимом и западной политкорректностью. При этом в последнее время сами сторонники терпимого отношения избегают использования этого понятия; так же, как и в России, они отдают предпочтение слову «толерантность» (*tolerance*) – вероятно, осознавая негативную коннотацию, сопутствующую «политической корректности». Соотношение статей, использующих понятия «политкорректность» и «толерантность» при обсуждении одних и тех же проблем, которыми характеризуется академический дискурс, показывает, что за последнее десятилетие термин «политкорректность» стал идеологическим инструментом; его использование призвано дискредитировать одну из сторон дискурса.

Чтобы попытаться объяснить политкорректность, обратимся к книге Дж. Лиа, «Политкорректность и высшее образование: британская и американская перспективы». Автор объясняет, что дискуссия вокруг политкорректности не может быть однозначно отнесена ни к левой, ни к правой стороне политического спектра; кроме того, он указывает, что избегание термина «политическая корректность» не значит, что дискуссия на самом деле не выходит за ее рамки [\[2, p. 263\]](#). Иногда от него намеренно отказываются из-за ассоциаций, которые тот вызывает, ведь история развития термина связана с уничижительным смыслом, которым наделило его американское общество. Более того, спор ведется и насчет самой природы знания, которое предоставляет студенту университет: автор указывает, что англосаксонский дискурс разделяется на защитников толерантности и ее противников даже в тех случаях, когда их объединяет, казалось бы, одна цель – например, борьба за принципы идеологии Просвещения. Интересно, что обе группы, участвующие в дискурсе, приписывают друг другу заболевания: так, сторонники политкорректности (мультикультуралисты) якобы болеют «ойкофобией», то есть неприятием собственной культуры, а противники политкорректности (релятивисты и скептики) заражены «верифобией», боязнью истины [\[2, p. 264\]](#).

Со стороны этот конфликт кажется несерьезным, однако спор насчет терпимости не только актуален для академической среды западных стран, но и представляет интерес с философской точки зрения: «политкорректность» – лишь средство достижения цели; на самом деле спор имеет гносеологический характер. Так, конфликт прямо искажает суть образования: влияет на то, какое именно знание получает ученик, в каком формате оно будет подано, как он его усвоит. Характерна формулировка самого Лиа, указывающего,

что политкорректность представляет собой гораздо более масштабное явление, включающее в себя не только спор о природе самого феномена, но о его функционале. Конфликт можно обосновать по-философски: скептики стремятся защитить право на традицию, классическое образование, в то время как мультикультуралисты предлагают принять постмодерн как данное – то, что является лишь закономерным этапом развития общества [\[2, p. 107\]](#).

Хотя с конца нулевых суть конфликта в корне не поменялась, трудностей, с ним связанных, стало лишь больше. Так, восприятие политкорректности во многом зависит от социальных изменений в среде меньшинств, потому что функционал феномена во многом определяется настроением угнетаемых. Обратимся к письму в редакцию американского журнала, посвященного социальной работе: в нем указывается, что «проблема академической среды в том, что и педагоги, и студенты чувствуют, будто им приходится «ходить на цыпочках», чтобы случайно не произнести фразу, которая может оскорбить кого-то в их окружении» [\[3, p. 385\]](#). При этом в целом автор письма поддерживает идею терпимости, необходимую для создания обстановки «здоровой аудитории»; и все же ей представляется, что политкорректность требует от всех участников образовательного процесса замалчивания как самих проблем, так и сопутствующих вопросов. С другой стороны, она указывает, что представители этнических меньшинств обижаются, когда во время обсуждения, например, расовых вопросов в преимущественно белом классе, кто-то задает вопрос: «а что об этом думает твой народ?». Отметим, что в этих ситуациях студенты не считают себя представителями конкретной расы, сексуальной ориентации или класса, поэтому отказываются отвечать на подобные вопросы и чувствуют себя некомфортно.

Исходя из этого, можно констатировать, что в западной среде ученики продолжают бороться за права меньшинств, к которым себя причисляют, но при этом видят определенную опасность в выделении своих особенностей. Можно было бы предположить, что их задевает само обобщение, ведь человек сам по себе не может говорить за всю группу – но студенты указывают, что они вовсе не являются представителями того или иного сообщества. Таким образом, причислять себя к какой-либо группе становится удобно в ситуации, где можно получить какие-то преимущества или заявить о притеснении свободы личности, но при этом не афишировать свою принадлежность в академической обстановке, фундаментально предполагающей обсуждение различий и необходимостей групп-участников образовательного процесса.

На вопрос «а что об этом думает твой народ?» некоторые из студентов отвечали и другими фразами; например: «я не против того, чтобы поделиться своими мыслями и чувствами, но просвещать я тебя не должен» [\[3, p. 385\]](#). Подобная реакция студентов в контексте борьбы за права меньшинств представляется нам неуместной: с одной стороны, молодое поколение требует больше прав и возможностей, с другой – простой вопрос задевает их или ставит в тупик. Этот ответ кажется тем более странным в современной обстановке, когда меньшинства явно ставят целью объяснить свою социальную позицию, но бытовая ситуация приводит к взаимному непониманию. Инцидент показателен для описания ситуации на Западе в целом: может показаться, что угнетаемые позиционируют себя готовыми к диалогу, но при этом не способны объяснить особенности собственного мировоззрения и легко раздражаются в образовательной обстановке, в рамках которой должны проясняться спорные ситуации. Образовательная ситуация, таким образом, лишается своей просветительской функции: академическая коммуникация заканчивается неудачей из-за неосторожного слова. Именно поэтому

система англосаксонского образования не всегда оказывается удачным посредником для решения споров, особенно если те затрагивают личностные особенности студента. При этом большинство, очевидно, пытается наладить контакт с меньшинством; оно, однако, воспринимает эту попытку как нечто оскорбительное. Действие меньшинства, таким образом, в ницшеанском духе оказывается реакцией – ресентиментом, призванным ответить на мнимую несправедливость внешнего мира.

Похожую мысль выражал С. Кьеркегор, говоря о *зависти* : это понятие он трактует как «объединяющий принцип, свойственный бесстрастной, очень рефлексивной эпохе». Философ указывает, что зависть имеет две стороны: индивидуальный эгоизм и эгоизм окружения, который может проявляться в отношении к индивиду. Как полагает философ, в первую очередь индивиду нужно вырваться из личного заключения, в которой его держит его же отражение, но даже после этого индивид остается в тюрьме, выстроенной отражениями членов его окружения. Кьеркегор указывает, что «именно отражение держит в заключении саму личность, а не тираны и тайная полиция, не духовенство и не аристократия – при этом отражение делает все, что в его силах, чтобы помешать этому различению... эгоистичная зависть требует от человека слишком многого; она нянчит и балует его, как нянчит и балует любовь слабой матери, и собственная зависть не позволяет ему пожертвовать собой» [4, p. 81-82]. Представление Кьеркегора об особой рефлексивной эпохе, отражает ситуация с англосаксонской толерантностью: разбив оковы, сдерживавшие их в течение столетий, гендерные, этнические и социальные меньшинства по-прежнему ищут виновников собственных проблем, ориентируясь на абстрактную идею равенства, имеющую мало общего с действительностью: равенство в этом случае оказывается далеким и недостижимым образом. Сломав одну тюрьму, индивид попадает в другую, пытаясь сломать уже новые границы. Проецируя эту мысль на современную ситуацию, можно заметить, что ни льготы при поступлении, ни изменения в образовательных программах и расписаниях школ и вузов не оказываются достаточными – по Кьеркегору мы переносимся в век рефлексии, характеризующийся стремлением все уравнивать, хотя сама идея уравнивания предстает лишь недостижимой абстракцией [4, p. 84].

Таким образом, мы приходим к еще одной принципиальной проблеме с толерантностью в западном понимании: она расширяется и наполняется новыми функциями, при этом все больше раздвигая границы недопустимого. Если раньше неприемлемыми считались лексические проявления нетерпимости (например, оскорбительные обозначения меньшинств), то со временем количество табуированных явлений только увеличилось. В некоторых статьях указывается, что обучающиеся отрицательно воспринимают такие изменения, потому что они не только ограничивают академическую свободу, но и вносят неопределенность: так, что границы допустимого становится практически невозможно определить. При этом границы часто создаются самими обучающимися: придумывая, например, «предупреждения о триггерах», которыми, по мнению некоторых студентов, должны сопровождаться некоторые курсы. Так, это препятствует социальной работе в высшем образовании: в попытке оградить учеников от упоминаний о травматическом опыте из программы убираются, например, лекции об аборте [5, p. 3]. Хотя подобные изменения находят поддержку среди некоторых студентов, отдельные преподаватели подчеркивают несостоятельность такого подхода в том числе с рациональной точки зрения: «предупреждениях о триггерах», способные вызвать негативные ассоциации, повсеместно встречаются в социальной работе, необходимой для функционирования образовательных учреждений. Отталкиваясь от того, что некоторых студентов может теоретически задевать любая тема, страдает качество образования. При этом данные

показывают, что попытки перестроить личность для того, чтобы бороться с посттравматическим синдромом, приводят лишь к ухудшению ментального здоровья [\[5, p. 4\]](#).

Несмотря на то, что оценки системы толерантности и ее механизмов разнятся, многие авторы предсказывают, что тенденция с расширением ее границ в образовательной среде продолжится; культивирование терпимости и изменение взглядов студентов в ходе образовательного процесса остаются важнейшими ориентирами для англосаксонской академической среды. Крупные исследования, проводимые в последнее десятилетие, анализируют способность обучающихся к развитию толерантности и разрабатывают курсы, которые были бы успешны в этом аспекте [\[6, p. 3\]](#). При этом студенты относятся к ним неоднозначно: кто-то, пройдя курсы, указывал, что поменялся даже их взгляд на жизнь [\[6, p. 11\]](#), другие – что терпимость их одноклассников едва ли изменилась [\[6, p. 12\]](#). Таким образом, многие обучающиеся не уверены насчет эффективности воспитания терпимости. Неоднозначность, в которой пребывают обучающиеся, очевидна и в других работах: одно английское исследование показывает, что многие студенты не уверены в справедливости идеи об «одинаковых возможностях»: отвечая, согласны ли они с тем, что «одинаковые возможности для геев/лесбиянок, этнических меньшинств и женщин зашли слишком далеко», большинство выбрало ответ «не знаю» [\[7, p. 5\]](#).

Вышесказанное показывает, что в западной образовательной среде по-прежнему находится в подвешенном состоянии: с одной стороны, многие студенты не уверены, что им делать и как поступать, чтобы не задеть кого-нибудь из своего окружения, что приводит к мысли о пагубном влиянии механизмов, поддерживающих «академическую» толерантность. С другой стороны, ученое сообщество предсказывает, что толерантность продолжит не только оставаться важным аспектом академической сферы на Западе, но и получит дальнейшее развитие. Представляется, что при таком положении вещей в англосаксонском образовании назревает конфликт между теми, кто чувствует себя в сложившихся «политкорректных» условиях некомфортно, и теми, кто эту политкорректность популяризирует – так, что некоторые студенты чувствуют себя загнанными в угол. Такое положение дел представляется выгодным для сторонников толерантности: если кто-то выступает с критикой «политкорректного» порядка, его пример могут использовать как очередное доказательство нетерпимости в отношении меньшинств – и представить эту ситуацию как еще один аргумент в пользу функционирования толерантности в академической среде.

Мнение о неоднозначной ситуации в западной академической среде можно проследить и в ряде других современных работ: в качестве одной из главных проблем указывается, в частности, то, что в университетах особо влиятельны стали радикалы, занимающиеся политикой в американских кампусах. Руководство образовательных учреждений часто не имеют ни воли, ни желания для того, чтобы как-то противостоять радикализации: они оказываются молчаливыми и безучастными [\[8, p. 34\]](#). Причиной этому служит то, что работники факультетов, обычно на административных должностях, боятся за свои места: если они и не будут уволены за попытку отстоять непопулярную точку зрения, карьерное продвижение оказывается маловероятным – так создается ситуация, в которой изменения в образование могут прийти только извне. Эта проблема схожа со студенческой: равно как ученики не хотят оказаться исключены из университета, так не хотят и работники подставлять свою карьеру.

Положение, при котором для человека рабочее место становится важнее его личных

воззрений, приводит к тому, что в евроатлантической образовательной среде не прекращается борьба с неполиткорректностью: одной из целей либерального общества указывается культивирование свободной системы образования, функционирующей в рамках толерантного государства, в котором живут толерантные граждане [\[9, p. 516\]](#). Такой ориентир, характерный для современной философии образования западных стран, вновь подчеркивает неоднозначность границ толерантности: насколько они растяжимы и как определяются? Если мы действительно хотим построить толерантное государство, граждане которого искренне верят в принятие чужого, может ли чужой иметь взгляды, неприемлемые для традиционной культурной традиции этого государства?

Представим гипотетическую ситуацию в западном высшем учебном заведении: обучающиеся вместе с педагогом рассуждают о смене моральных ориентиров современного общества. Один из обучающихся заявляет: «гомосексуализм – грех». Вероятно, в толерантной среде такое заявление будет воспринято спокойно, ведь идеальное «толерантное государство», являющееся основополагающим ориентиром для современного западного образования, предполагает, что у каждого человека есть право на свое мнение. В наше время, впрочем, такое заявление будет подвергнуто критике и определено как несостоятельное, потому что оно не соответствует повестке, а сам студент – воспринят как маргинал, при этом, возможно, и педагогом, конвенционально обязанным осуждать нетерпимость, и одноклассниками, воспринимающими такую реплику как недалекость и серость. Пожалуй, именно в этом обнаруживается изъян в функционировании толерантности западного общества: она не может существовать независимо, как самодостаточный ориентир или воззрение, и определяется не культурно-историческими ориентирами, а социально-политической обстановкой. Подвести черту в этом осмыслении поможет цитата американского философа Дж. Хортона, характеризующая западное восприятие концепта толерантности: «... я не думаю, что существует какая-либо рациональная перспектива, какая-либо архимедова точка, какой-либо взгляд из ниоткуда, которые позволили бы обосновать разумность или правильность конкретной содержательной концепции о добродетели толерантности. Толерантность – вовсе не добродетель, стоящая в стороне от моральных и политических конфликтов, в которых должна выступать посредником» [\[10, p. 40\]](#).

Таким образом, было выявлено, что механизмы толерантности западной образовательной среде характеризуются неоднозначностью: несмотря на то, что они призваны защищать меньшинства, на самом деле механизмы наделяют эти группы правами сверх тех, что действительно обеспечивают их равное сосуществование в академической обстановке. Ситуация достигла такой точки, что из-за неопределенных границ терпимости большинство учеников имеет лишь приблизительное понимание того, что допустимо, а что – запрещено. Это не только подрывает образовательный процесс, но и оказывает пагубное влияние на западное общество в целом: студенты выпускаются с непониманием того, чего ожидать от окружающей их социальной среды, а меньшинства получают еще один рычаг давления – через такой важный институт, как образование.

В результате проведенного анализа был выявлен парадокс в функционировании толерантности: западные студенты могут причислять себя к определенному меньшинству и отстаивать его права, но часто избегают дискуссий на тему равных возможностей, потому что стремятся не афишировать принадлежность к какой-либо – например, этнической, – группе. Таким образом, некоторые обучающиеся, с одной стороны, борются за свободы меньшинств, но, стоит их включить в эту группу во время диалога – ситуация равноправного обсуждения их не устраивает, потому что любое обобщение их личности с меньшинством воспринимается как оскорбление. Ситуация с толерантностью,

сложившаяся в западной образовательной среде, позволяет регулировать академический дискурс так, как удобно меньшинствам: они продвигают свою повестку, при этом уклоняясь от полноценного обсуждения насущных вопросов. Представляется, что эта проблема фундаментальна, потому что в первую очередь связана с тем, как вообще функционирует толерантность в англосаксонском образовании: чтобы оскорбить представителя меньшинства, достаточно сделать жест, который тот посчитает неуместным, или сказать что-то, что покажется ему неприемлемым, чтобы закончить дискуссию и при этом остаться в выигрышном положении. Учитывая, что в западной картине мира толерантность не воспринимается как аспект мировоззрения, тенденция превращения механизмов толерантности в социально-политический инструмент в евроатлантическом образовании никуда не денется.

Библиография

1. Block W., Dauterive J. Political correctness and the economics of higher education // Humanomics. 2007. No. 23(1). Pp. 230-239.
2. Lea J. Political Correctness and Higher Education: British and American Perspectives. Oxford, England: Routledge, 2009.
3. Shulman L. Microaggressions and Political Correctness: Creating a Positive Classroom Culture // Journal of Social Work Education. 2016. No. 52(3). Pp. 385-386.
4. Kierkegaard, S. The Age of Revolution and the Present Age: A Literary Review. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1978.
5. Robbins S. From the Editor – Sticks and Stones: Trigger Warnings, Microaggressions, and Political Correctness // Journal of Social Work Education. 2016. No. 52(1). Pp. 1-5.
6. Salmon-Letelier M., Russell S. G. Building tolerance through human rights education: The missing link // Education, Citizenship and Social Justice. 2020. No. 17(1). Pp. 1-19.
7. Fielding D. The Co-Evolution of Education and Tolerance: Evidence from England // Social Forces. 2018. No. 96(1). Pp. 1825-1850.
8. Schalin J. Academic Freedom in the Age of Political Correctness. Raleigh, NC: John W. Pope Center for Higher Education Policy. 2016.
9. Drerup J. Education for Democratic Tolerance, Respect and the Limits of Political Liberalism // Journal of Philosophy of Education. 2018. No. 52(3). Pp. 515-532.
10. Horton J. Toleration as a Virtue // Toleration: An Elusive Virtue. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1996. Pp. 28-44.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье «Парадокс толерантности в западной образовательной среде» предмет исследования – это ситуация с толерантностью, сложившаяся в западной образовательной среде. Цель исследования вытекает из названия работы, хотя в самой работе и не конкретизирована.

Методология исследования базируется на анализе практики толерантности в англосаксонских образовательных учреждениях, который позволяет выявить основные тенденции в данной области. Основной анализ сделан на основе примеров из работ англосаксонских исследователей. В работе нет примеров собственного анализа кейсов. Крайне актуальными видится поиск несилового решения проблем, позволяющие сберечь

человечество. Толерантность представляется важнейшим условием нахождения компромиссов, преодоления конфликтов. Без выработки взаимной терпимости сталкивающиеся культуры, нации, отдельные группы люди могут просто истребить друг друга. Но у толерантности проявилась другая, негативная сторона. Эти негативные тенденции особенно сильно прослеживаются в англосаксонской образовательной среде: политика «обратной» терпимости, типичная для школ и университетов, получает все большее распространение. Механизмы работы такого вида «терпимости» требуют философского осмысления и анализа, способных выявить парадокс и объяснить причины его появления.

Научная новизна публикации связана с анализом практики толерантности в англосаксонских образовательных учреждениях. В статье делается обоснованный вывод, что механизмы толерантности западной образовательной среде характеризуются неоднозначностью: они не только (не столько) защищают меньшинства, сколько наделяют их сверхправами по отношению к другим участникам образовательного процесса; границы терпимости для большинства обучающихся приобретают лишь приблизительное очертания. В результате проведенного анализа был выявлен парадокс в функционировании толерантности: обучающиеся на западе могут причислять себя к меньшинству и отстаивать его права, но часто избегают дискуссий на тему равных возможностей, потому что стремятся не афишировать принадлежность к какой-либо группе меньшинств. Ситуация с толерантностью, сложившаяся в западной образовательной среде, позволяет регулировать академический дискурс так, как удобно меньшинствам: они продвигают свою повестку, при этом уклоняясь от полноценного обсуждения насущных вопросов. Заслуживает внимание вывод, что поскольку толерантность не воспринимается как аспект мировоззрения, то велика опасность превращения механизмов толерантности в социально-политический инструмент давления меньшинства на большинство.

Данное исследование характеризуется общей последовательностью и грамотностью изложения. Статье присущ хороший уровень научной концептуализации. Она будет представлять интерес для специалистов в области образования и культуры.

Библиография работы включает всего 10 публикацию и представлено изданиями на английском языке. Апелляцию к основным оппонентам из рассматриваемой области присутствует в достаточной мере.

Вывод: Статья «Парадокс толерантности в западной образовательной среде» имеет научно-теоретическую значимость и может быть опубликована.